
П. Н. БЕРКОВ

Книга в поэзии Симеона Полоцкого

О том, что этот ранний русский просветитель был книголюбом и владельцем значительной по тем временам библиотеки, было известно уже давно.¹ Однако во всех публикациях его приведений, начиная с «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков» Ф. И. Буслаева (М., 1861) и кончая «Избранными сочинениями» Симеона Полоцкого под ред. И. П. Еремина (М.—Л., 1953), отсутствовали стихи, специально посвященные «книге», «чтению» и т. д., т. е. отсутствовали материалы, непосредственно характеризующие позицию его как библиофила. Часть таких стихотворений Симеона Полоцкого — в совершенно другой связи — опубликована В. М. Пузиковым в недавно изданном Институтом философии Академии наук Белорусской ССР сборнике «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI—начала XIX в.» (Минск, 1962). Эти данные и положены в основу настоящей статьи. К ним добавлены тексты, извлеченные мною из рукописи Симеона Полоцкого.

У Симеона Полоцкого как автора произведений, посвященных «книге», «чтению», «писанию», «читателю», были предшественники и на славяно-русском, и польском, и латинском, и греческом языках, т. е. на языках, которыми он владел. Большая часть произведений такого рода была написана прозой. Заслугой Симеона является то, что он первый на русской почве писал на «книжные» темы в стихах. Однако это только одна и как раз менее существенная сторона вопроса. Главное — то, что «книга», «чтение», «мудрость», «философия» и прочее является для Симеона средством просвещения человека, «понеже человек нѣсть звѣрь дивый, но содружный».²

Конечно, свою просветительскую миссию Симеон Полоцкий, в соответствии с идеологическими требованиями эпохи, облакает в религиозные формы, но основное — просветительское — начало при этом сохраняет всю свою силу. Приобретенные знания он не считает возможным сохранить только для одного себя, он находит необходимым поделиться ими с другими людьми. «Наставлением десницы правителя вселенныя, возрачительствовавшу ми трудолюбное вести житие во взыскании божественных пи-

¹ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России, ч. II. СПб., 1912, стр. 43.

² Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 205. «Дивый» (дикий) Симеон воспринимает здесь, очевидно, как «асоциальный», тогда как «содружный» несомненно представляет перевод слова «Sociabilis» или, может быть, даже аристотелевского выражения «Zoon politikon».

саний глубочайшего разума и в них умных сокровищ, тайно положенных, — писал Симеон во втором предисловии к «Псалтыри рифмотворной», — не еже теми мысленными богатства единому ми красоватися и богатѣти, но да и церкви православно-кафолическѣи изнесу от них полезная ... написах...»,³ и далее он перечислил заглавия подготовленных им к тому времени четырех книг.

Теми же просветительскими соображениями продиктованы и стихи Симеона Полоцкого на «книжные» темы. Понятно, что такие стихотворения имеют не самостоятельный характер, а подчинены общей, основной задаче, которую он ставил себе, — создания просвещенного человека. Единственный способ достигнуть этого идеала — чтение:

Ходяй при водах, всяко омочится,
присѣдай огню тепла исполнится.
Тако читай книги божественны
аки по нуждѣ будет умудренный.⁴

Что же понимает Симеон Полоцкий под словом «умудренный», явствует из стихотворения, озаглавленного «Мудрый»: это — такой человек, который «во ползу могл [бы] в мирѣ жити».⁵ В стихотворении «Мудрость» Симеон писал:

Егда дождь землю тихий напояет,
плоды родити ону устрояет.
Елма же мудрость в ум иѣкий вселится,
ко правым дѣлом муж богом строится.⁶

Развивая мысль о «неправости» тех образованных людей, которые не делятся с другими своими знаниями, Симеон пишет:

Мудрость имѣяй, аще уталяет,
чистое злато во землю копает.
* * *
Что раздаянием в скудость не приходит,
но умножение дѣятелю родит?
Мудрость: елма бо та иным ся общает,
в уме учится множенна бывает.⁷

Прямая противоположность «мудрому», «невежда» вызывает такие стихи Симеона:

Невѣжда пути вожд да не бывает,
книг неискусный да не поучает.
Невѣжда мудраго елма поучает —
слѣпец считаго провождает.
Сова о лучах солнца разсуждает,
егда невѣглас о мудрых вѣщает.⁸

«Невежда» всегда, по мнению поэта, злой человек. В стихотворении «Слова неслушание» Симеон пишет, что у безобразного слона и горбатого

³ Там же, стр. 212. Ср. в предисловии к «Вертограду многоцветному»: «Тѣмже аз, многогрѣшный раб божий» и т. д. (там же, стр. 206)

⁴ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962, стр. 258. Я без оговорок исправляю ряд опечаток или неверных чтений в цитатах.

⁵ Там же, стр. 260. Ср. также стихотворение «Философия. 3»:

Естество дает токмо еже жити,
философия учит благо жити.
Ово со скоты общѣ нам бывает.
сие аггелом нас уподобляет.
(Там же, стр. 256).

⁶ Там же, стр. 260.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 266; Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 75.

верблюда есть привычка при входе в чистую воду, до того как они начнут пить,

первѣе ногами ону возмутити.

Делают они это, чтобы не видеть в воде своего «нелѣпия». «Подобнѣ, — продолжает Симеон, —

... людие злие препинати
слова обыкоша и книг не читати».⁹

Придавая такое большое значение чтению книг, Симеон Полоцкий при удобном случае напоминает о нем. «Кто есть царь и кто тиран, хощеши ли знати?», — спрашивает он в стихотворении «Разнствие» и отвечает:

Аристотеля книги потщися читати.¹⁰

Подбирая в своем «Вертограде многоцветном», некоем подобии стихотворной энциклопедии, «по чину алфавита славенского диалекта»,¹¹ стихотворения с заглавием на букву «Ч», Симеон под словом «Частость» пишет:

Не сила капли камень пробивает,
но яко часто на того падает;
Тако читай часто научитися,
аще и не остр умом си родитися.¹²

В соответствии с передовыми педагогическими взглядами своего времени Симеон Полоцкий стремится внушить идеи просветительства своим читателям с самого раннего их возраста. В «Букваре», составленном Симеоном и изданном в 1679 г., в предисловии «К юношам учитися хотящим» он писал:

Отроче юный, от дѣтства учися,
писмена знати и разум потщися.
.....
Наипаче иже книгам научитися,
о трудѣх честных превозвеселитися.
Дар писание великий от бога,
тайна писмены является многа.
Что сердце мыслит и ум рассуждает,
то писание удобѣ извѣщает.
Безгласно убо, но зѣло явственно,
далѣе гласа бывает нессенно.
Глас близ сущему слово возвѣщает,
писание же далеким являет.
Что кто далече сый напишет тебѣ,
то познаеши о всячѣй потребѣ.
Писмсны воля всѣх царя явися,
во писании мудрость заключися.
Юже аще кто имѣти жаелает,
писании мудрых да употребляет.¹³

Не забывает Симеон напомнить своим читателям, что «писание» — «глубоко», надо уметь его понимать:

Зряй на рѣку текушу, верх вод созерцает,
а тайн во глубинѣ сухих не выдает:
Подобнѣ писание писменно читай,
внѣшняя токмо его естъ муж рассуждай.
Внутренних пак не видит, еже суть глубока,
преходяще зрѣние неискусна ока.

⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 79.

¹⁰ Там же, стр. 15.

¹¹ Там же, стр. 212.

¹² Там же, стр. 74. Здесь несомненно реминисценция овидиевского стиха «Gutta cavat lapidem...».

¹³ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, стр. 267—269.

На сей глубинѣ агнец смиренный плаваег,
а слон великий удоб потоплен бывает.¹⁴

Обращаясь к царю Федору Алексеевичу, только что вступившему на престол, Симеон Полоцкий напоминает своему ученику:

Книги историй возлюби читати,
от них бо мощно, что бѣ в мирѣ знати
И по примѣру живот свой правити,
дабы спасенно и преславно жити.
Само чтение многи умудряет,
яко бо свѣцу во тмѣ возжигает.¹⁵

Из приведенных материалов с несомненностью явствует, что у Симеона Полоцкого было глубоко продуманное понимание просветительской роли книги и чтения. Может показаться поэтому удивительным, что приводя отрывки из стихотворений «Чтение», «Писание», «Мудрость», «Философия» и т. д., я до сих пор не цитировал его стихотворений, специально посвященных книге. Такие стихотворения у Симеона Полоцкого есть, и они представляют особый интерес.

В ленинградской рукописи «Вертограда многоцветного» 1678 г. под словом «Книга» помещены три стихотворения, образующие как бы некую трилогию.¹⁶

Первое повествует о сне, привидевшемся блаженному Иерониму и рассказанном им позднее в одном из своих многочисленных сочинений. Во время болезни Иерониму, в бреду, привиделось, будто он умер и предстал на суд. На вопрос судьи, кто он, Иероним ответил: «Христианин», но судья возразил: «Ты лжешь, ты — кикеронианин, потому что читаешь книги Кикеронские больше, чем христианские; за это ты примешь казнь».

И велѣ его бичми добръ наказати,
дабы на тѣлѣ язвы возможно считати.

Когда Иероним проснулся, у него на спине оказались полосы от полученных им ударов бича. Симеон продолжает:

Оттолѣ преста книги еллински читати,
и ятя христианским тошно прлжати.
Сам о себѣ святой муж сия извещает,
да никто паче святых книг, ины читает.

Затем Симеон делает, казалось бы, решительный вывод:

О аще толь святой муж тако наказася,
чесо грѣшный человек имать ждати на ся.

Но сознание просветителя заставляет его найти выход:

Лучше убо братие святым прилжати,
а ины книги, развѣ с потребы читати.

Таким образом, первое стихотворение в цикле «Книга» в конечном счете проводит мысль, что чтение языческих книг все же допустимо, хотя и «с потребы», однако решение того, что такое «потреба», оставляется, очевидно, на усмотрение читателя.

Второе стихотворение в данном цикле начинается словами:

Различны книги нам суть богом предложены,
да благонравно жити будем наученны.

¹⁴ Там же, стр. 261 («Писание»).

¹⁵ Там же, стр. 252.

¹⁶ БАН, отдел рукописей, I.A.54 (31.7.3), лл. 234 об.—235 об. Стихотворения «Книга жизни» и «Книга и молитва», рассматриваемые ниже, находятся там же, лл. 235 об.—236.

И далее Симеон Полоцкий перечисляет: первая книга — «мир сей», вторая — закон, написанный перстом Божиим и переданный через Моисея, третья книга — Иисус Христос, четвертая — дева Мария, пятая — совесть каждого человека, шестая книга — та, которую бог тайно читает, церковь называет ее «книгой живота», —

Пишут бо ся имена в ней богом избранных .

От поведения каждого человека, — говорит Симеон, — зависит, будет ли он вписан в эту книгу, и прибавляет:

Мы, братие, потщимся совершенно жити,
да можем совершенно написани быти. .

Итак, главная мысль второго стихотворения: какие книги бог ни создал, все делается для того, чтобы научить людей «благоправно жити».

В третьем стихотворении цикла поэт вспоминает слова пророка Иезекииля о том, что ангел заставил его съесть книгу, от которой у него сначала на устах был мед (Иезекиль, III, 3), а затем — прибавляет от себя Симеон, — во чреве горечь. Так, заключает поэт, происходит и с нами: читая евангельские книги, мы сперва ощущаем сотоподобную сладость, но затем, видя, как несправедливо мы живем, мы начинаем огорчаться и предаемся покаянию:

Но в слѣд тоя горести, вѣчна идет сладость,
по временной печали, безконечна радость

Следовательно, третье стихотворение как бы подводит итог всему циклу: чтение должно вести людей к «совершенному житию».

Мысль, положенную в основу части второго стихотворения, посвященной «шестой книге», которую «сам ту бог читает», Симеон дополнил в двустишии «Книга жизни»:

В книзѣ животнѣй кто нѣсть написанны,
в езеро огненно той будет посланны.

Стихи «Книга» и «Книга жизни» завершаются очень показательным для позиции Симеона Полоцкого стихотворением «Книга и молитва»:

Негли нѣкто жслает, что есть лучше знати,
молитися господу, ли книги читати,
Аугустин отвѣщаст' чрез молитву многу
мы благоговѣйную, бесѣдуем к богу.
А егда писание святое читаем,
Бога к нам глаголюща быти познаваем.
Благо уубо молитву к богу възсылати,
Добро и писание священно читати

Подобно тому как двустишие «Книга жизни» дополняет сказанное Симеоном во втором стихотворении рассмотренного выше цикла о «шестой книге», созданной богом, так в стихотворении «Мир есть книга» он развил мысль о «первой книге», «предложенной нам» богом:

Мир сей преукрашенный книга есть велика,
яже словом написа всяческих владыка.
Пять листов препространных в неися обрѣтают,
яже чудна писмена в себѣ заключают.

Эти пять листов — небо, «огнь стихийный», «преширокий аер», «сонм водный» и земля со всем, что есть на ней и в ней.¹⁷

Нас не должно удивлять, что приведенное стихотворение представляет

¹⁷ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, стр. 257—258.

более подробную разработку двух последних строк предыдущего стихотворения «Книга»: из цитированных выше текстов Симеона Полоцкого видно, что его творческой манере писателя-просветителя, писателя-педагога свойственно повторное обращение к теме, однажды изложенной кратко, как бы конспективно. Впрочем, эта черта встречается и у более поздних русских поэтов. Гораздо интереснее в стихотворениях «Книга» и «Мир есть книга» то, как самостоятельно разработана в них тема. Следует напомнить, что идея их принадлежит не Симеону Полоцкому, а взята им, как и многие другие темы его поэтического творчества, из западноевропейских источников.¹⁸ В книге одного из наиболее начитанных европейских литературоведов XX в. покойного проф. Э. Р. Курциуса (Бонн) «Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter», в главе «Das Buch als Symbol», сделаны тщательные разыскания о том, как в средневековой латинской литературе возник образ «мир как книга». Автор приходит к выводу, что «представление о мире или о природе как „книге“ появляется в церковном красноречии, затем воспринимается мистико-философскими созерцателями средневековья и, в конце концов, становится достоянием общего языкового употребления».¹⁹ И как это ни странно для такого пунктуального автора, как проф. Курциус, он не приводит ни одного раннего текста, в котором бы прямо содержалась формула «мир есть книга».

Другой образованнейший литературовед нашего времени, проф. Д. И. Чижевский (Гейдельберг), в статье «Das Buch als Symbol des Kosmos», написанной в дополнение к соответствующей главе книги проф. Курциуса, утверждает, что «книгу как символ мира мы встречаем у Оригена, Афанасия, Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, в средние века — у Винченца из Бовэ, Бонавентуры, Бертольда Регенбургского, Вильгельма Коншского и т. д.».²⁰ Ряд этих авторов — как учителей церкви, так и средневековых — безусловно был известен Симеону Полоцкому, так что едва ли возможно утверждать, что идею «мир есть книга» он взял у какого-то одного из своих предшественников. Однако развитие этого образа — перечисление «пяти листов пространных», из которых состоит «мир — книга», а именно неба и четырех стихий (огня, воздуха, воды и земли), — по-видимому, принадлежит самому Симеону Полоцкому. Во всяком случае так можно предполагать, пока не будут проверены те источники, которые перечислены в приведенной выше цитате из Д. И. Чижевского и в других местах его статьи.

Если несомненный интерес представляют стихотворения Симеона, идея которых только развита им или просто переложена им в стихи, то естественно, что не менее интересны для нас его самостоятельные произведения, в частности те, в которых Симеон опять-таки обращается к теме книги. В этом отношении следует выделить заключительное стихотворение к своеобразной «поэме» Симеона Полоцкого «Гусли доброгозвучная» (1676), озаглавленное «Желание творца». В комментарии к этому произведению И. П. Еремин первый отметил, что это — «одно из наиболее замечательных „программных“ стихотворений Симеона».²¹ К сожалению, «программность» «Желания творца» была настолько опасна в те времена, что автор не рискнул включить это стихотворение в подносный экземпляр

¹⁸ Об источниках Симеона Полоцкого см.: О. І. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. І. Давня українська і давня російська літератури. Київ, 1965, стр. 371—449.

¹⁹ E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 2. Aufl. Bern, Francke, 1954, стр. 325.

²⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen. S. Gravenhage, Mouton, 1956, стр. 89.

²¹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, стр. 264.

«Гусли доброгласной», изготовленный для царя Федора Алексеевича, — на полях полного текста «поэмы», перебеленной копиистом, рукой Симеона прибавлено: «Сие в книзѣ врученной нѣсть писано».²²
Вот текст этого стихотворения.

Желание творца

Желах сим гусльм печатаным быти,
да бы им царску славу возгласити
По всей России и гдѣ суть словяне,
в чюждых далече странах христяне
Да в книгах идет слава во вся страны
царя пресвѣтла, иже богом данны
И род российский да ся прославляет,
что стихотворцы свойственны питаест
Ничто бо тако славу разширяет,
яко же печать, та бо разношает
Вездѣ и вѣком являет будущим
во книгах многих и заморем сущим
Мало словенских стих досѣлѣ бяше,
поне да явит тыя время ваше
В вашу же славу Но отчаеваю,
рачителей бо тоя мало знаю
Аще возмнит кто се быти убыток,
аз общаю славу и прибыток
Прибыток мимо, слава же есть благо,
паче сокровищ честно же и драго,
Тою Александр и днесь животствует,
кто ону сяжа, во вѣк бышествует,
За ню же и Павел хотя умираити,
иже все злато вѣдѣ обругати, —
Ту же тип носит Убо подобает,
да и Россия славу разширяет
Не мечем токмо, но и скоротечным
типом, чрез книги сущым многовѣчным
Но увы нравов! Иже истребляют,
яже честныи трудове раждают
Не хотим с солнцем мирови сияти,
в тѣхъ незнания любим пребывати²³

Грустные размышления Симеона о горестных судьбах русского просвещения и русского стихотворства в его время, содержащиеся в заключительных стихах «Желания творца», не ослабляют оптимистического и патриотического звучания основной части стихотворения; впрочем, и в последних строках Симеон высказывает свою любимую, высокую мысль, что Россия, русская культура должна «с солнцем мирови сияти».

И если через триста лет после того как были написаны эти стихи, Советская Страна, советский народ, советская культура «с солнцем мирови сияют», несомненная заслуга в этом принадлежит и скромному зачинателю русского стихотворства, панегиристу книги и чтения, Симеону Петровскому-Ситниановичу из Полоцка.²⁴

²² Там же

²³ Там же, стр 158—159 В стихе 23, по-видимому, надо читать «За ню ж »

²⁴ В книге В. Т. Георгиевского «Флорищева пустынь Историко-археологическое описание» (Вязники, 1896, стр 249) приведено стихотворение, начинающееся так

Книги содержат, тыя прочитати
Человску треба, введут бо и в небо
и т д

Исходя из того что в рукописном сборнике, в котором помещено данное произведение, находятся также стихи Симеона Полоцкого — «Благодарствие усердное» царю Федору Алексеевичу за создание новой келии (1674), В. Т. Георгиевский высказывает предположение, что и это стихотворение, и сборник, в который оно включено, принадлежат перу Симеона Полоцкого (стр 251) Думаю, что оно скорее принадлежит перу Сильвестра Медведева, ученика Симеона Полоцкого